

Я пришла работать в музей в 1983-м, через год после окончания института. В старую синагогу, во все, что было в ней, и все, что было вокруг нее, я влюбилась сразу и навсегда. Тихий, уютный, огороженный металлической оградой дворик жил своей, совершенно особенной, невероятно привлекательной и гдето даже таинственной (для постороннего взгляда) жизнью. Вдоль забора росли рябины, закрывая нас от суеты улицы Фрунзе, во дворе — узкие асфальтовые дорожки, лавочки, много зелени и несколько построек. (Поздней весной и летом мы выносили столы прямо на улицу и работали, вдыхая ароматы цветущих деревьев). В главном здании, бывшей еврейской синагоге, которую сознательные евреи добровольно (?) отдали в 1931 году под здание музея, находились отдел фондов, кабинет директора и зал западноевропейского искусства, ставший для меня на все последующие годы работой, источником вдохновения, любовью и даже страстью. В глубине двора слева — небольшой одноэтажный домик, здесь расположились канцелярия, хозчасть и музейная библиотека (еще одна любовь «навсегда»). «Домик» задолго до меня стал именем нарицательным. «Куда идешь?» — «В домик». Посвященным понятно.

Хозяйками домика, да и вообще неотъемлемой частью музейной жизни были две женщины, поразившие мое воображение с первого часа знакомства с ними — Евгения Зиновьевна Карабинерова и Зинаида Виссарионовна Макарова. Мало того, что нас, молодых, зачаровывали их одинаково редкие и труднопроизносимые отчества, обе они, чем-то даже похожие, настолько гармонично вписывались в особую, ни с чем не сравнимую и такую притягательную атмосферу этого места, что, скорее всего, сами эту атмосферу и создавали. В музее они были — Женя и Зиночка и по утрам встречали нас, сидя на лавочке, обе коротко стриженные, смешливые, с папиросами в руках и банками лавашных солений в холодильнике. Зинаида Виссарионовна работала машинисткой, печатала всю музейную документацию, а также (при отсутствии тогда компьютеров) все наши лекции и экскурсии. Евгения Зиновьевна заведовала отделом передвижных выставок и была истинным музейщиком, «мастером на все руки». Именно она научила нас делать паспарту, закантовывать графику, вязать «музейные» узлы при развеске картин. Сейчас совершенно другие, новые технологии для оформления работ, а «музейные» узлы остались прежними. И если сегодня мне (крайне редко) приходится залезать на лестницу с картиной в руке, я всегда вспоминаю двух этих женщин, оставшихся в моем сознании неразделимым целым.

По субботам-воскресеньям мы работали втроем: кассир (эти люди менялись часто и в памяти никто из них не остался), смотритель и я, экскурсовод. Смо-

трителем в то время, о котором я пишу, была Спиридонова Анна Николаевна. Бывший преподаватель физмата пединститута, невероятной деликатная, добрая и очень скромная женщина. К домику был пристроен небольшой сарайчик, и летом, когда не было посетителей, я залезала туда позагорать. Анна Николаевна пританцовывала на крыльце, выписывая ногами только ей известный причудливый узор, и караулила экскурсантов, чтобы вовремя меня предупредить. Танцевала она не из любви к хореографии, а по совершенно прозаической причине — в зале всегда было прохладно, если не сказать — холодно, даже в жаркие летние дни. Помню замечательную картинку: перед открытием выставки на музейном крыльце стоит Тамара Михайловна Кузнецова (в то время директор музея) — высокая, статная, красивая женщина в черном длинном бархатном платье (по случаю торжественного мероприятия) и... в валенках.

С Тamarой Михайловной лично я проработала почти четыре года. Эта, как я уже заметила, красивая и, в общем-то, добрая женщина, была, по сути, продуктом своей эпохи. Выходец из партийной элиты, она отличалась взрывным характером, хотя и отходила довольно быстро. У меня с Ириной Облачной (в те времена библиотекарем музея) была особая примета — если мы приходили на работу в чем-то белом (не важно — кофта, юбка, босоножки) — значит, катать нам асфальт. В прямом, заметьте, смысле этого слова. На Фрунзе был ручной каток — такой большой и тяжелый валик на длинной ручке, которым раскатывали асфальтовый порошок. И вот как только мы, «все в белом», представляли «пред очи» директора, она задумчиво смотрела на нас и говорила: «Что-то не нравятся мне наши дорожки, пора их обновить». Кстати, недавно, читая архивные документы, касающиеся одного из директоров музея Н. И. Туркина, встречаю такие строки в его «Письме сотрудникам Дальневосточного художественного музея 1958 г.»: «Уважаемые товарищи! Осталась одна неделя моего отпуска, и мысли уже у вас. Надеюсь, что наш сад расцвел... дорожки подметены и выбелены?»

И такая ностальгия меня накрыла и по этому саду, и по дорожкам...

Вторая часть музея располагалась на пятом этаже здания на ул. К. Маркса (ныне Муравьева-Амурского). Там находились залы русского, советского и народного искусства и реставрационная мастерская. Экскурсоводы и ученые, работавшие в этих отделах, старались при каждом удобном случае прибежать к нам на Фрунзе, «посидеть под черемухой». Коллектив был в основном молодой (плюс-минус десять лет за разницу в возрасте не считались). Все были энергичны, влюблены в свою работу, фонтанировали творческими замыслами и идеями. Атмосфера была практически семейная. Даже свободное время мы проводили вместе. Вообще музей в то время был центром притяжения для всех творческих людей — писателей, журналистов, музыкантов и, конечно, художников. Связь художников с музеем была настолько тесной, что не было дня, чтобы кто-то из них не зашел к нам просто так поговорить или не устроил у себя в мастерской посиделки для музейных сотрудников. Для нас это был ценнейший опыт общения и возможность всегда быть в курсе их творческого процесса.

Многое, конечно, в то время держалось на чистом энтузиазме. Помню первую свою выставку западноевропейского искусства в залах нынешней галереи им. А. М. Федотова. Это было время, когда все помещения на ул. Фрунзе заняли наши фонды и экспозиции не стало. Решили сделать большую выставку на площадях Союза художников. Хотелось чего-то новаторского, необыкновенного, как сейчас говорят, креативного. И здесь к месту вспомнить о двух людях, без которых невозможно представить музей того времени и чей талант, умения да и сама жизнь навсегда связаны с жизнью музейной да и моей собственной.

Елена Коробко и Андрей Котов. Лена, Леночка, «Коробка», музейный художник-оформитель. Это сейчас — баннеры, флаеры, плакаты. А тогда все это делалось золотыми ручками выпускники художественно-графического факультета пединститута. Высокая, стильная, натуральная блондинка, чем-то неумовимо похожая на актрису Ким Бесинджер. По нынешнем меркам — фотомоделль высокого класса. Казалось бы, при такой внешности у нее должен быть характер отъявленной стервы. За всю жизнь не встречала я человека более доброго, душевного, отзывчивого к чужим проблемам, в общем, все позитивные эпитеты можно смело отнести на ее счет. Конечно, подобная «душа нараспашку» принесла ей самой со временем много проблем, но и сегодня она оптимистично и очень позитивно смотрит на жизнь, умея находить радость жизни и творчества в, казалось бы, самых простых вещах.

Андрей Котов. Тогда заведующий отделом передвижных выставок, сегодня его, к огромному сожалению, уже нет с нами. Выпускник архитектурного факультета Политехнического института. Личность невероятного масштаба по части различных талантов. Он прекрасно рисовал, писал стихи, шил, был душой компании и любителем (и любимцем) женщин. Интеллектуал высокого уровня — казалось, он знает все, особенно, что касалось искусства, литературы, философии. Любил примерять на себя образ ироничного скептика, будучи при этом жизнелюбом, кутилой и весельчаком. Юмор его был такой же специфический, как и он сам. И вот вчетвером (четвертым был муж Лены Виктор Чайкин, художник) мы стали готовить ту самую, мою первую выставку. У меня были идеи, у них руки, которые эти идеи воплощали. Больше всего запомнились ночи. Ночами мы писали рукотворные этикетки и аннотации — серебром на черном фоне, ночами делали экспозицию, порой засыпая прямо в витринах. Я немало повеселила своих друзей-коллег полным отсутствием прикладных навыков. Для меня же это был огромный, не только творческий, но и жизненный опыт, навсегда оставивший в сердце любовь и благодарность к этим людям.

Мы постоянно куда-то выезжали с лекциями. Как говорилось, «проектор под мышку и вперед!». Все лекции читались со слайдами. Погранзаставы, нанайские села, школы, предприятия — где мы только ни бывали. Помню забавный случай, когда я приехала читать лекцию в учреждение закрытого типа. Заключенные сидели в зале, на выходах стояли вооруженные конвоиры. И тут выяснилось, что для чтения лекции со слайдами необходимо выключить свет, что явно противоречило местному порядку. Люди в погонах долго совещались, в итоге лампочки потушили «через одну». Лекция началась. Первый слайд. Вздых восхищения у «контингента», вздох ужаса у охраны. Картина Карло Маратти «Алкид и Галатя» — в центре обнаженная женщина и полуобнаженный мужчина. Пока военные перешептывались на тему прекращения занятий, лекция шла своим чередом и, надо заметить, при полной тишине в зале.

Еще один случай, связанный с западноевропейской коллекцией, который стал в нашем коллективе хрестоматийным. Прямо у входа в зал сидел кассир, а по бокам от входа стояли две мраморные скульптуры — А. Россети «Источник любви» (полуобнаженная женщина с раковиной в руке) и «Амур и Психея» неизвестного автора (обнаженные юноша и девушка, застывшие в вечном поцелуе). Пришла экскурсия школьников. Дети остались в коридоре, а учительница, не глядя, естественно, по сторонам, сразу ринулась к кассе. Купив билеты, она повернулась, чтобы позвать свой класс, и тут ее взгляд упал на скульптурные группы. Последовавший за этим эмоциональный крик ее души перерос в крик самый настоящий. «НАААА-ЗАД!!!!» — орала она, выпучив глаза и помогая себе жестикуляцией. Бежали из музея, не оглядываясь. Возврата денег не потребовали...

Валентину Александровну Запорожскую я впервые увидела на нашем профсоюзном собрании. Она тогда работала в отделе культуры крайсовпрофа и пришла к нам в качестве его представителя. Красивая женщина в красном костюме с яркими синими глазами и белозубой улыбкой — такой я вижу ее и сегодня. Чуть позже она стала директором Дальневосточного художественного музея. Для музея началась новая эпоха. Второй (после тридцатых годов) этап глобального комплектования коллекции. Командировки и стажировки по всем городам Советского Союза. В девяностые переезд в новое здание, международные проекты и договор с Государственным Эрмитажем на экспертизу западной коллекции, значение которого трудно переоценить. В те годы я больше времени «проживала» в Эрмитаже, чем дома. У меня был маленький ребенок, положенные три года я дома просидеть не смогла, так рвалась на работу. Сейчас вспоминаю это с иронией умудренной опытом «матроны», тогда все казалось само собой разумеющимся. Картины в Эрмитаж возили, как говорится, «на собственном горбу», в ручной клади, на свой страх и риск. Многолетние труды не пропали даром — сегодня благодаря этим поездкам, музей владеет В. Тицианом и А. С. Козьмо, Б. Петерсом и Я. В. Ветом и бесценной дружбой с сотрудниками лаборатории научно-технической экспертизы Государственного Эрмитажа — Л. Вязьменской и Е. Федоровым.

С моего первого дня в музее прошло тридцать три года. Прошли не только годы, прошла череда людей, одни из которых не оставили никаких эмоций, других вспоминаешь постоянно — М. С. Тминову, Н. А. Панасьян, Марину Шереверову, Светлану Соловьеву, Светлану Тихонову, Татьяну Землянскую и некоторых других. Многое можно вспомнить про ту нашу, фрунзенскую жизнь, бурную, веселую, с высоты нынешнего опыта — бесппроблемную, совпавшую с нашей молодостью и потому светлой и бесконечно дорогой.

